

Лю Хучэн выдвинулся на службу в те годы, когда маркиз Цзинго вернулся в столицу. Оценив ратные заслуги воинов Сицзяна и изучив подробные доклады маркиза, государь долго приглядывался к новому человеку, прежде чем даровать ему высокое назначение. Обликом этот воевода полностью соответствовал своему грозному имени — волевой, резкий, словно наспех вырубленный из грубого камня.

Впрочем, за суровой внешностью скрывался ум тонкий и расчетливый. Лю Хучэн вел дела осмотрительно, держался невозмутимо, судил подчиненных справедливо — строго взыскивал за проступки и щедро награждал за доблесть. На поле боя он не раз доказывал беззаветную храбрость, снискав в свое время особое покровительство и доверие маркиза Цзинго.

Доверие военачальника он оправдал сполна. За годы его службы Сицзян окреп и расцвел, а жители заставы Небесных Врат спали спокойно: одно лишь имя великого генерала Лю внушало им безграничное чувство защищенности.

Весть о вызове к главнокомандующему застала Бай Вэньханя на оборонительной стене во время обхода. Прошло несколько лет с тех пор, как они с Бай Шу навлекли на себя гнев государя. Получив жестокое наказание плетьюми, братья были вынуждены немедленно покинуть столицу. И хотя палачи, вершившие казнь, тайно сочувствовали опальным офицерам и старались бить не в полную силу, под грозным оком разъяренного монарха уберечься совсем не удалось. Свои тридцать ударов Вэньхань принял сполна, едва унеся ноги живым и истекающим кровью.

Но даже искалеченным им не дали передышки: императорский указ велел немедленно отправляться на Сицзян. Вэньхань слишком хорошо понимал помыслы владыки. Его собственный отец и вдовствующая императрица зашли в своем безумии так далеко, совершив столь вопиющее непотребство, что любой правитель на месте императора постарался бы навечно заставить замолчать свидетелей этого позора.

Изгнание раненых из столицы казалось верхом жестокости, но сам Вэньхань не посмел бы задержаться в столице ни на лишний час. Опасаясь непредвиденной кары или внезапной расправы, он забрал Бай Шу, и братья поспешили прочь, выжимая из лошадей последние силы.

Всю дорогу Бай Шу казался отрешенным, он то и дело оглядывался назад, в сторону уплывающего за горизонт столичного величия. Поначалу Вэньхань всерьез опасался за его жизнь, однако крепкое тело мастера быстро справилось с увечьями. Самому же Вэньханю повезло куда меньше. Дорожная пыль и наскоро перевязанные раны привели к тому, что в пути он разразился жестокой лихорадкой. Спасло лишь то, что Бай Шу за годы сурового обучения привык к травмам и немного разбирался в целебных травах. Отыскав глухой крестьянский хутор, он сумел вывести брата, буквально вырвав его из лап смерти.

Когда измученные беглецы наконец добрались до Сицзяна, Лю Хучэн лично выехал им навстречу. До опалы Вэньхань носил звание генерала, и Лю Хучэн долго размышлял, как пристроить столь знатного, но немилого двору гостя. В итоге он пожаловал ему скромную должность тысяцкого.

Чин тысяцкого, конечно, не шел ни в какое сравнение с былым генеральским величием, зато не мозолил глаза императору и избавлял от лишних проверок. Этот мудрый жест ясно давал понять: главнокомандующий рад видеть изгнанников в своем лагере и готов укрыть их от столичной бури.

Вскоре из столицы пришли тайные послания от маркиза Цзинго и наследного принца. Оба просили Лю Хучена не обделять Вэньханя вниманием и не смотреть на немилость государя. Впрочем, все эти давние хлопоты теперь казались далеким прошлым.

Каждое проявление чужой доброты Вэньхань бережно хранил в глубине своего сердца.

Войдя в шатер главнокомандующего, Вэньхань попытался было склониться в приветственном поклоне, но Лю Хучэн крепко перехватил его за плечи, прерывая церемонию. За годы совместной службы это уже вошло в привычку: один упорно следовал военному уставу, другой столь же упорно махал на условности рукой.

Не теряя драгоценного времени, воевода усадил гостя в кресло и сразу перешел к делу:

— Император направил к нам инспекцию. Самое позднее через три дня они прибудут к заставе Небесных Врат. Во главе посольства стоят двое: пятый принц Цзи Хуай и... наследник герцога Хань, Хан Сиэнь.

При звуках этого имени лицо Вэньханя, за последние годы превратившееся в бесстрастную маску, невольно дрогнуло. Заметив эту мимолетную реакцию, Лю Хучэн выдержал паузу и продолжил:

— Пятый принц Цзи Хуай уже бывал у нас, его характер мне знаком. А вот о Наследнике Хане до заставы долетали лишь смутные слухи, да и те со временем поутихли. Ты ведь знал его в столице. Скажи без утайки, что он за человек? Каков в деле?

Вэньхань погрузился в глубокое молчание. Прошло немало времени, прежде чем он глухо вымолвил:

— Большинство тех слухов... чистая правда.

— Неужто? — на грубоватом лице командующего отразилось искреннее изумление. — То есть байки о том, что лицом он ужасен до того, что младенцы исходят криком от одного его взгляда? И что он ни в грош не ставит государя, презирает законы, дерзит на советах, а каждого неугодного норовит обобрать до нитки, устроив обыск в его доме? Неужели правда, что перейти ему дорогу — все равно что подписать себе смертный приговор?

Сам Лю Хучэн никогда не отличался легковерием и привык делить столичные сплетни на десять, полагая, что до границы доходят лишь раздутые небылицы. Но услышать

подтверждение от осторожного Вэньханя... В голове не укладывалось, как человек с подобным нравом не просто избежал плахи, но и умудрился сохранить голову на плечах.

Вэньхань со вздохом покачал головой:

— Вовсе нет. Лицо Наследника Ханя из-за давней болезни лишь изнурено и бледно, пугающего в нем мало. Что же до дерзости... Он прям и упрям до крайности, отчего сановники шлют на него доносы пачками, но государь питает к нему безграничное доверие. А обыски... Что ж, всякий раз, когда он разоряет чье-то поместье, его люди находят неопровержимые улики чужих преступлений.

Договорив, Вэньхань сам умолк, удивленный собственной попыткой оправдать этого человека. По сути, как ни крути, смысл оставался прежним.

Но Хан Сиэнь обладал редким, непостижимым даром выходить сухим из любой воды. После той страшной бури трехлетней давности он исчез с политической сцены, но стоило ему вновь явиться миру, как его звезда засияла прежним благоволением монарха.

Лю Хучэн смекнул, что перед ними — любимец государя, человек с непредсказуемым нравом и весьма тяжелым характером. Поладить с таким столичным гостем будет непросто.

Поразмыслив, воевода спросил:

— Императорские инспекторы не имеют четвертых рангов, но за ними стоит воля императора. Полагаешь, стоит поднять уровень приема повыше, чем когда пятый принц жаловал к нам один?

— В этом нет нужды, — отозвался Вэньхань. — При всех своих странностях наследник Хань радеет о государстве, пусть его методы и кажутся порой излишне жесткими. К тому же излишнее рвение может уязвить гордость пятого принца.

Лю Хучэн заметно повеселел:

— Если у Наследника герцога Ханя хватает разума не цепляться к мелочам, мне же легче. На заставе народ простой, привычки у всех грубые. Пойду отдам приказ: пока столичные гости на Сицзяне, держать язык за зубами и глупостей не совершать.

Вэньхань молча согласился. Предосторожность командующего была не лишней. В армии, как и везде, хватало скрытого соперничества. Лю Хучэн возглавил Сицзян благодаря личной доблести и протекции маркиза Цзинго, однако в гарнизоне по-прежнему таились недовольные. Кое-кто до сих пор считал его выскочкой, виня судьбу-злодейку в собственных упущенных возможностях.

Поняв, что разговор окончен, Вэньхань откланялся. Возвращаться на крепостную стену расхотелось — мысли путались, лишая его привычного покоя. Он решил вернуться в свое скромное жилище.

Почти у каждого офицера на заставе имелся собственный уголок в самом городке, но бывали они там редко, предпочитая проводить дни и ночи в палаточном лагере гарнизона.

Переступив порог дома, Вэньхань застал брата в самом унылом расположении духа. Бай Шу сидел на корточках посреди разбросанных вещей и уныло вертел в руках корень женьшеня.

Ныне Бай Шу числился простым ратником, но благодаря заботе брата жил отдельно от остальных. В свободное время он без усталости рыскал по окрестным склонам, собирая целебные травы и перебивая цену у местных торговцев ценными корнями.

За три года его усердие взвинтило цены на дикий женьшень в округе до небес. Если бы не исключительное мастерство юноши в ратном деле и не молчаливое покровительство Лю Хучена, местные аптекари давно растерзали бы настырного чужака за подрыв их скромного ремесла.

Давно устав бороться с этим упрямством, Вэньхань лишь покачал головой и молча опустился на стул.

Бай Шу небрежно бросил корень на пол и поднялся:

— Все не то. Вид у них невзрачный. Надо будет уйти подальше в горы, поискать получше.

За три года юноша заметно вытянулся и раздался в плечах, растеряв детскую припухлость щек. Лицо его огрубело под палящим степным солнцем и колючими ветрами, но все же сохранило былую белизну. Большие круглые глаза светились прежним живым умом, выдавая в нем натуру пылкую и упрямую.

Вэньхань недовольно нахмурился:

— Ты три года шлешь ему дары. Если сложить все эти коробки в ряд, дорожка протянется отсюда до самых ворот столицы. И хоть бы словечком ответил! Да он наверняка и думать забыл, как тебя зовут.

Бай Шу покачал головой, упрямо глядя на брата:

— Нет, брат. Хан Сиэнь не таков. И даже если забыл — пусть. Силы его слабы, эти лекарства нужны ему, чтобы жить. Раз я могу их раздобыть, значит, буду отсылать.

От этого тупого упрямства у Вэньханя защемило в груди. Он никак не мог взять в толк, какими чарами столичный баловень судьбы сумел так прочно привязать к себе его неискушенного брата.

Сердце его наполнилось тревогой. Забота о безразличном вельможе давно перешагнула границы простой благодарности. Если раньше это можно было списать на детскую привязанность, то теперь Бай Шу вырос, но мысли его по-прежнему занимал один лишь Хан Сиэнь.

Когда-то Вэньхань мечтал сосватать брату тихую, благонравную девушку из хорошей семьи. Но после позорной истории со старшим братом, Бай Цзюнем, он навсегда охладел к семейным союзам и перестал вмешиваться в чужие дела.

Вэньхань давно решил: пусть Шу выбирает сердцем. Он принял бы любой его выбор, будь то женщина или гэер, лишь бы чувства их были чисты и искренни. Он не осудил бы брата, даже если бы тот последовал суровому обычаю здешних мест и заключил мужской союз с боевым товарищем, как поступали многие одинокие воины на границе. Пусть люди косятся и шепчутся за спиной — счастье брата для него стояло превыше всего.

Но Хан Сиэнь... Этот человек принадлежал к совершенно иному миру, куда изгнанникам путь был заказан. Не раз Вэньхань пытался завести разговор о столичных привязанностях брата, заходя издали, но наткнулся лишь на чистый, по-детски недоумевающий взгляд. Юноша явно не понимал, о чем толкует старший.

Расспрашивать подробнее Вэньхань не решался, боясь неосторожным словом разрушить эту хрупкую душевную простоту и пробудить в сердце юноши чувства, которые принесут ему лишь новые страдания.

Мысли эти тяжким грузом лежали на душе уже много месяцев. С тяжелым вздохом Вэньхань поднялся со стула, стряхнул дорожную пыль с одежды и негромко произнес:

— Через три дня Хан Сиэнь прибудет на заставу Небесных Врат. Хочешь порадовать его — отдай свои корни лично в руки. Вот только примет ли важный столичный сановник простого ратника вроде тебя?

Взглянув на застывшее от изумления лицо брата, Вэньхань лишь раздосадованно махнул рукой и вышел вон, предпочтя укрыться от семейных забот на крепостном валу.

Стоило шагам брата затихнуть, как оцепенение на лице Бай Шу сменилось робкой, а затем и безудержной радостью. В памяти его мгновенно всплыл холодный, бесстрастный взгляд наследника Хань.

Прижав ладонь к бешено заколотившемуся сердцу, юноша счастливо улыбнулся. Глаза его сузились, а на щеках проступили милые ямочки, делая его похожим на того прежнего, круглощекого мальчишку.

Бай Шу от природы был нелюдим и скрытен, но образ молодого господина Хана преследовал его в снах даже здесь, в диких краях. И причиной тому была вовсе не знатность господина, а воспоминание о дне опалы. Ради их с Вэньханем спасения гордый Хан Сиэнь опустил на колени перед троном.

Юноша не видел, что происходило за закрытыми дверями тронного зала, но отлично все слышал. Он знал, с каким презрением Хан Сиэнь относится к преклонению колен и как ненавидит просить о милости. Но в тот день ради двух беззащитных слуг этот гордец склонил голову перед государем, и в его голосе впервые прозвучала мольба.

Брат часто упрекал его в чрезмерной преданности, но Шу знал: кроме самого Вэньхана, лишь один человек в целом мире заступился за него, не пожалев собственной гордости. Даже родной отец отрекся от них, лишив тепла и крова. Так как же он мог выбросить из головы того, кто подарил им жизнь?

Понемногу радость улеглась. Поглядев в окно вслед ушедшему брату, Бай Шу вздохнул, быстро собрал разбросанные пожитки и решительно шагнул за порог.

Бай Шу решил, что обязательно преподнесет Хан Сиэню достойный подарок при встрече.

Три дня — срок недолгий, но для кого-то они тянулись целой вечностью, а для кого-то пролетели единым мигом.

Когда пышный кортеж императорских инспекторов наконец завидел стены заставы Небесных Врат, навстречу им выехал сам Лю Хучэн в сопровождении верных офицеров. Командующий намеренно взял с собой Вэньхана, надеясь, что присутствие давнего столичного знакомого поможет сгладить углы, если строптивый вельможа вздумает выказать свой несносный нрав.

Бай Шу, как простому ратнику, ходу в почетный караул не было.

Когда Хан Сиэнь в неизменной серебряной маске неторопливо покинул паланкин, все взоры устремились на него. Юноша скользнул равнодушным взглядом по лицам встречавших, ни на миг не задержавшись на Бай Вэньхане, словно перед ним стоял безликий каменный истукан.

В каждом его жесте сквозило ледяное пренебрежение и вельможное высокомерие.

Опытный Лю Хучэн стерпел эту надменность без единого вздоха — он слишком хорошо подготовился к встрече с капризным фаворитом. Однако в свите военачальника нашлись люди погорячее. Заместитель командующего Чжоу Жань, уловив этот пренебрежительный взгляд, мгновенно вспыхнул от оскорбленной гордости.

Этот доблестный воин уступал в чине лишь самому главнокомандующему. Проливая кровь в жестоких битвах за рубежи империи и не раз спасая товарищей от гибели, он пользовался заслуженным почетом и уважением среди ветеранов.

Не стерпев гнетущего молчания, Чжоу Жань громко расхохотался и, сделав шаг вперед, зычно произнес:

— Императорский инспектор Хан! На здешних рубежах не сыскать столичных красавцев, у нас тут одни заветренные, просоленные солнцем рожи. Так что смело снимайте свою маску, даже если кожа у вас потемнела от зноя — обещаем, смеяться никто не станет!

При этих словах Лю Хучэн предостерегающе нахмурился и уже шагнул вперед, намереваясь замять опасную бестактность своего подчиненного, но опоздал.

Хан Сиэнь лишь насмешливо фыркнул. Небрежным жестом он отряхнул невидимую пылинку с рукава и лениво проговорил:

— На моем лице красуется незаживший след былых увечий. Даже пред светлые очи государя я являюсь в маске. Но коли достопочтенному воину так нетерпится удовлетворить свое любопытство... Что ж, извольте. Снять ее прямо сейчас?

В этих вкрадчивых словах сквозила ядовитая насмешка. Намек был предельно ясен: перед самим императором он не склоняет головы, так с какой стати безродный офицеришко смеет требовать от него покорности?

Лицо Чжоу Жаня мгновенно залило краской стыда и гнева. Ошарашенный дерзостью столичного гостя, он застыл, не смея согласиться и в то же время не зная, как спасти остатки уязвленного самолюбия. Положение его сделалось донельзя глупым.

— Прощу великодушно простить его, господин Хан, — поспешил вмешаться Лю Хучэн, пресекая назревающую ссору. — Заместитель командующего Чжоу привык к прямолинейным речам на поле боя. Нрав его суров, и он совершенно не ведал о вашем недуге. Упаси его небо равнять себя с его величеством! Молю вас, не держите зла на этого недотепу. Я самолично накажу его за неучтивость...

— Оставьте пустое, — небрежно перебил его Хан Сиэнь, не дав договорить притворные извинения. — Я искренне восхищаюсь вашей заботой об офицерах, генерал Лю. Однако негоже мне, едва ступив на здешнюю землю, чинить расправу над доблестными защитниками рубежей. Не ровен час, поползут слухи, будто столичные инспекторы презируют простых воинов. Полноте.

Лю Хучэн лишь безмолвно стиснул зубы. Чжоу Жань частенько спорил с ним, но в ратном деле ему не было равных, и терять верного соратника из-за глупого недоразумения воевода не желал.

Однако воеводу поразила невиданная прямота столичного чиновника. Прежде он полагал, будто все придворные привыкли изъясняться намеками и прятать истинные намерения за витиеватой лестью. Наследник герцога Хань разил словом без промаха, напрочь отвергая вежливые условности.

Пятый принц Цзи Хуай молча наблюдал за этой сценой, замечая, как меняются в лице воины, и лишь заговорщически приподнял бровь. Он и предположить не мог, что строптивый Хан Сиэнь успеет настроить против себя весь гарнизон в первые же минуты встречи.

«Неужели этот глупец сам преподносит мне преданность здешних ратников?»

Спрятав легкую усмешку, принц двинулся следом.

Почувствовав, что напряжение достигло предела, Бай Вэньхань решился нарушить неловкое молчание. Поймав на себе десятки вопрошающих взглядов, он сделал шаг вперед и негромко обратился к командующему:

— Генерал, ветер в степи крепчает. Пора бы проводить гостей под кров.

— Верно подмечено, — опомнился Лю Хучэн. — Ваше высочество, господин Хан, прошу вас пожаловать в город.

С величавым спокойствием Хан Сиэнь проследовал вперед, оставляя позади растерянную свиту. Следом за ним, пряча легкую усмешку, неторопливо шагал пятый принц.

Встречающие переглянулись. Первое впечатление о грозном инспекторе из столицы оставило глубокий и весьма неоднозначный след в душах каждого из них.

Проводив вельмож до выделенных им покоев, Лю Хучэн заверил, что вечером их ждет торжественный пир в честь прибытия, после чего поспешил увести своих офицеров вон.

Стоило воинам скрыться из виду, как Хан Сиэнь, даже не взглянув на принца, молча направился в свою спальню. Изнурительный путь по каменистым трактам вытянул из него все силы, и теперь юноша желал лишь смыть дорожную пыль и забыться сном.

Велев слугам приготовить купальню, он выставил всех за дверь, небрежно швырнул серебряную маску на столик у лохани и с наслаждением погрузился в горячую воду. Откинув голову на край деревянного ушата, он устало зевнул.

Смежив веки, юноша замер. Дыхание его сделалось ровным и почти неслышным, мысли

улеглись, уступая место блаженной пустоте.

Прошло не больше четверти часа, как Хан Сиэнь резко распахнул глаза. В то же мгновение створка окна бесшумно приоткрылась, пропуская гибкую тень, которая тотчас притворила за собой деревянные ставни.

Обернувшись, незванный гость нос к носу столкнулся с сидевшим в купели Хан Сиэнем. Этим любителем лазать по чужим окнам, разумеется, оказался Бай Шу.

Он и представить не мог, что человек с таким тихим, едва уловимым дыханием на самом деле не спит, а принимает ванну. От неожиданности из его горла вырвался тихий возглас:

— Ой...

<http://bllate.org/book/20088/2002074>